

Погоня за собой

Любовь ВИРОЛАЙНЕН, заслуженная артистка РСФСР

ность такого человека, как и в завистливого, жадного, подлого, за глаза сплетничающего про тебя, а при встрече бросающего обниматься. Я преклоняюсь перед теми, кто, проявляя сострадание к людям, делает это тактично, неподчеркнуто, незаметно.

— А как вы считаете, почему душевные качества вдруг перестали быть главными? У многих появилась страсть к напильству, что сменяется даже в изменении отношения друг к другу.

— Я этого не могу понять. Если быть откровенной до конца, то иногда я себя чувствую тонущим кораблем, который обрастает ракушками, которые тянут его на дно. Мне хочется, чтобы в доме не было ничего лишнего, чтобы, уходя из квартиры, не думать, закрыла ли я дверь на замок. Быть, к сожалению, затягивает нас и угнетает. Мы все чего-то стараемся друг от друга не отстать: в приобретении дачи, машины, гаража, в хлопотах о поездке за рубеж... Беготня, погоня за всем. Не есть ли это великий самообман? И истинная, духовная наша жизнь проходит мимо...

— Но духовность актера зависит и от того, в каких условиях ему приходится работать, часто вдалеке от дома?

— Я так привыкла работать в трудных условиях, так привыкла спать в номерах с клопами и тараканами в иных чудовищных гостиницах, что когда начинаешь говорить об этом с администрацией, то чувствуешь: у людей создается мнение, будто это капризы, а не требование гигиены и самых элементарных условий труда. И вот тебя уже считают неудобным человеком. А я не могу воевать: у меня такой бойцовской черты нет. Я в силу своего очень трудного детства всегда старалась как бы спрятаться, зажаться. И по сей день от этого страдаю. Я сближаюсь только с теми, кто во мне видит человека. Наша профессия тяжелая, она от многого зависит. Сегодня ты королева, а завтра — нищая. Я говорю не о ролях. Нет, я берусь за любую, какую предлагают, даже за эпизодическую. Хотя, конечно, понимаю: так работать невыносимо...

— Но вот сейчас создана гильдия киноактеров, которая, наверное, должна будет охранять ваши права. Может, что-то сдвинется в творчестве и жизни актера?

— Это прекрасно! До сих пор киноактера на студии никто не мог защитить. Мы должны иметь и там свои гражданские и юридические права.

— Мы говорили о кино. Но сейчас вы ведь работаете и в театре киноактера при «Ленфильме»...

— Это очень важно для актера. Наш театр возглавляет заслуженный деятель искусств Латвийской ССР Юрий Николаев. Мы пока своего помещения не имеем, но уже выпустили пять спектаклей. Среди них — «Машинистки», пьеса для двух актеров. Я играю в ней с Игорем Добряковым. Она о любви. Ее герои, люди современные, проживают на сцене как бы всю свою жизнь — от первого знакомства в юности и до старости. Зритель видит нас и тридцатилетними, и сорокалетними, и так — до 70 лет...

— Я чувствую, что роль вам по душе?

— Необычайно. Судите сами, заканчивается спектакль, зрители сидят аплодируют, и никто не бежит к номерком в гардеробную. Я вижу, что пьеса задевает за сердце. В кино я ничего подобного еще не делала! Если у меня вечером спектакль, то я просыпаюсь совершенно другим человеком, в принятном настроении.

Я знаю, нечто подобное испытывают и другие. Я плачу от восхищения мастерством многих моих коллег. Таких, к примеру, как Нонна Мордюкова или Людмила Гурченко. Каким же должно быть оно, чтобы так филигранно создать свой образ на экране! Я не завидую. Я просто радуюсь от всего сердца. Думаю, нам, актерам, нужно чаще говорить друг другу правду. Помогать. И восхищаться, если сделанное твоим товарищем достойно восхищения. Я не о комплиментах, они — всегда пусты, а о том, что возвышает душу артиста и позволяет ему работать еще лучше! Ведь ради этого мы и живем...

Беседу записал
Юрий СЛАВИЧ.

Любовь Виролайнен — сегодня одна из популярных актрис нашего кино. Она снимается немало, хотя, конечно же, явно недостаточно, если учесть особенность ее дарования. Тут есть такой парадокс: режиссеры приглашают ее вроде бы на «типажные» для нее роли, а актриса это почему-то «не тиражирует» с бездумной легкостью иных наших кинозвезд, эксплуатирующих свою внешнюю привлекательность. Не открывает-ся она «стандартным» режиссерским ключом.

Есть такой тип актрис: с какой-то своей внутренней тайной. Оттого и судьбы их в кинематографе бывают не так уж счастливы. Повезет на режиссера — и тогда приоткроется тайная завеса, а если нет? Потом мы и задаем себе вопрос: почему так мало снималась в фильмах такая поразительная и, может, даже великая актриса, как Ольга Андровская?

Любови Виролайнен повезло в кинематографе: ее сразу же открыл Сергей Аполлинариевич Герасимов. Впрочем, сразу ли? Актриса может рассказать, что поначалу ничего не получалось, режиссер даже хотел отказаться от ее участия в картине (хотя съемки уже шли). Но повезло, потому что Герасимов был еще и великолепным педагогом. Это и позволило ему после почти исповедального разговора с актрисой найти верный ключ к природе ее таланта. Так она и явилась перед нами, пожалуй, в лучшей своей роли в фильме «Любить человека».

— Я убеждена, — говорит Любовь Виролайнен, — что главное действующее лицо в процессе создания хорошей картины — это прежде всего по-настоящему творческий, думающий режиссер. Не знаю, как бы сложилась моя судьба в кино, если бы я не встретила на съемочной площадке с Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым. После картины «Любить человека» у меня было сорок пять фильмов. Но, к сожалению, вспомнить режиссера, который бы так же сумел помочь «войти» в роль, сделать ее открытием, трудно. У Герасимова было сердце настоящего большого художника. Он глубоко и неординарно мыслит, и эти свои заветные мысли щедро передавал нам, актерам.

Вообще мне поначалу в искусстве очень повезло. Трудно говорить о детстве, о юности. Они выпали на мою долю нелегкими. Рано пошла работать: жили мы впроголодь. Не хочется вспоминать об этом. Отдушиной была художественная самодеятельность. Подруги говорили: «Ну, Любка, ты настоящая актриса!» Вот и решила однажды попытаться счастья. Георгий Александрович Товстоногов посмотрел на меня, послушал. И взял к себе. Я прошла у него удивительную школу. Одно время играла в его театре. А потом вот пришло в мою жизнь кино. Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым я считаю вторым своим великим учителем. А дальше стало меньше везти... «Мой» режиссер — это тот, который может «вытащить» из тебя для будущего образа все, что

есть в тебе сокровенного. А дальше, когда это уже сделано, ему остается лишь что-то подсказывать и добавлять «на ходу». Самое же ужасное, когда ты приходишь на съемочную площадку со своим видением образа, а режиссеру это вовсе не нужно. Как правило, это выбивает из творческого состояния. Истоки большинства наших «серых» фильмов — именно в таком пренебрежении к сотворчеству с актером.

Правда, на «Ленфильме» у меня есть «мой» режиссер — это Сергей Микаэлян. Был еще Илья Авербах, у которого я мечтала сниматься. Убеждена, что «мои» режиссеры и Никита Михалков, и Глеб Панфилов. Их артистизм мне близок — он на уровне моих учителей...

— А почему? Все они — такие разные...

— Дело в человеческой глубине, она ведь сразу угадывается. Артистизм режиссера — не только в его высокой профессиональности, но и в том, как он разбирается в жизни. Герасимов был энциклопедическим, всеохватывающим режиссером, тонким психологом. Год общения на съемках фильма «Любить человека» дал мне так много, будто я окончила какой-то блестящий вуз: стала разбираться в поэзии, музыке, живописи. Режиссер обогащал души актеров. Сегодня об этом можно только мечтать.

На съемках многих других фильмов мне все приходилось делать самой. Все это было в основном молодые режиссеры. Для них я та актриса, которую открыл Герасимов. И потому им легче было эксплуатировать то, что уже открыто, нежели открывать во мне что-то новое. И когда я сама начинаю на съемочной площадке что-то импровизировать, искать свое, обязательно слышу почти испуганное: вот этого не надо, не надо!

Я, например, всегда мечтала танцевать в фильме. Ведь у меня за плечами все-таки десять классов хореографии. Мечтала петь. Ну не в опере, конечно, и не на эстраде, а так, как поют драматические актеры. Годы идут, а я все хочу сыграть в музыкальной кинокомедии. Боюсь, что все эти мечты так и останутся со мной. Повторюсь, но это наболело: у меня такое ощущение, что в нашем кинематографе почти никому не хочется по-новому открывать актеров...

— Да, это — острая проблема нашего кино. Она насаждает очень многих талантливых актеров, самобытность которых так и остается тайной за семью печатями. Сколько трагических, несостоявшихся судеб! Пожалуй, ни в одной стране нет такого количества актеров, а их будто ли так резко падает и режиссерская, и актерская культура, их духовность? Хотя мы бесконечно говорим о благородстве, искренности, правде, о нравственной перестройке...

— Мне кажется, что духовность дается не просто. Можно перечитать множество книг, не пропустить выставок. Можно осведомленно разбираться во всем и при этом оставаться совершенно бездушным к тому, что окружает тебя. Я не могу понять психологию человека, который исповедует — все себе и только для себя. Я не верю в интеллигент-